

Повесть временных лет и Югра

Повесть временных лет¹ (древнерусское – Повѣсть времѣнныхъ лѣтъ) – летописный свод начала XII в., легший в основу общерусского летописания. Древнейшие тексты Повести временных лет дошли в списках Лаврентьевской летописи 1377 г. и Ипатьевской летописи XV в.² Повесть временных лет – важнейший источник для изучения Древней Руси и соседних с ней стран и народов.

Первое упоминание Югры встречается уже в самом начале Повести временных лет. Перечисляя расселение народов после великого потопа и следуя за византийской Хроникой Георгия Амартола, летописец дополняет число потомков сына Ноя-Иафета, живущих в «северных странах и западных», указывая на «В Иафетовой же части сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Симовых, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англъ, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, - они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым»³.

В этом тексте расселения народов, переработанном древнерусским

¹ См.: Повесть временных лет.- Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996.

² Литература, посвященная изучению Повести временных лет огромна. Лучший современный обзор и анализ исследовательской литературы, а также библиографию см.: Вовина-Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIX-XX вв. СПб., 2011.

³ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб.: Наука, 1999.

автором⁴, можно выделить несколько фрагментов. В нем своего рода точкой отсчета стали русские земли. От них на севере и северо-востоке «сидят... чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра». Далее летописец продолжает, механически присоединяя к этому перечню народы, живущие на северо-восточном берегу Балтийского моря – «литва, зимигола, корсь, летгола, ливы». Этот перечень уточняется данными о народах, которые «сидят близ моря Варяжского» (Балтийского) – поляки, пруссы, чудь (угро-финские народы). Летописец указывает, что варяги-норманны расселились по побережью «до пределов Симовых» - на большой территории от Прибалтики до «земли Английской и Волошской» (Италии), что соответствует географии их походов⁵.

Среди потомков Иафета, кроме югры, летописец перечисляет также: варягов-норманнов, шведов, готов, русь, англичан, жителей Апеннинского полуострова – римлян, венецианцев и ряд других, а также немцев и французов⁶.

Первое упоминание Югры важно прежде всего тем, что русский летописец вводит этот народ в контекст мировой истории. Отмечу: этот раздел, где речь идет о расселении народов, не имеет датировки в тексте летописи.

Второе, первое датированное упоминание Югры в тексте Повести временных лет датировано 1096 годом⁷. Оно включено в описание политических событий, происходивших на Руси в конце II в. и центральной фигурой этих

⁴ По мнению академика А.А. Шахматова, которое разделял академик Д.С. Лихачев, этим автором был монах Киево-Печерского монастыря летописец Никон.

⁵ Буайе Режи. Викинги: История и цивилизация. Пер. с фр. СПб.: Евразия, 2012.

⁶ Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – СПб.: Наука, 1999.

⁷ По нашему убеждению, одновременно с появлением рассказа Гюраты Роговича летописец включил в текст Повести временных лет сведения о потомках Яфета, среди которых он назвал и Югру. Эта тема потребует специального изучения.

событий был великий киевский князь Владимир Мономах (1053-1125)⁸.

Вопрос о времени этой вставки уже давно привлёк внимание ученых – историков и филологов⁹. Согласно наблюдению академика А.А. Шахматова, этот текст был вставкой в текст Повести временных лет¹⁰.

Летописная датировка – 1096 г. – как самого «Поучения Владимира Мономаха», так и примыкающего к нему рассказу Гюряты Роговича о Югре вызывает серьезные возражения у современных исследователей. «Поучение» – сложный памятник, состоящий из трех частей – обращения к детям – собственно «Поучения», рассказа о своей жизни и письма своему противнику – князю Олегу Святославичу Черниговскому. В связи с упоминанием среди походов Владимира Мономаха его похода против минского князя Глеба, состоявшегося в 1117 г., складывание всего памятника – «Поучения» Владимира Мономаха следует датировать не ранее 1117 г.

Как уже отмечалось, к тексту «Поучения Владимира Мономаха» примыкает рассказ о том, что автор текста 4 года назад слышал от новгородца Гюряты Роговича. Прочитируем этот рассказ: «Се же хоцю сказати, я же слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, я же сказами Гурята Роговичъ, новгородецъ, глаголясице, яко «Послахъ отрока своего в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедшю отроку моему к нимъ, и оттудѣ иде въ Угру. Угра же

⁸ О Владимире Мономахе см.: Орлов А. С. Владимир Мономах. - М.-Л.: Академия наук СССР, 1946; Брюсова В. Г. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха. — Византийский временник. — Т. 28. — М.: Наука, 1968. С. 127—135; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI – первая половина XIV в.) / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука, 1987. Ищенко А.С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. — Ростов-на-Дону: Антей, 2014; Карпов А.Ю. Великий князь Владимир Мономах. — М.: Молодая гвардия, 2015; Кучкин В.А. Чудо св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. — М., 1999. — С. 50—82.

⁹ Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIУ, в ЛЗАК. СПб, 1868., Вып. 4.; Подробнее о дискуссии см.: Вовина–Лебедева В.Г. Школы исследования русских летописей: XIХ-XX вв. СПб., 2011. С. 218-220.

¹⁰ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. — М., 2001. С. 23-25.

суть людѣ языкъ нѣмъ и съсѣдятся съ Самоѣдью на полунощныхъ сторонахъ. Угра же рекоша отроку моему: “Дивно находимъ мы чюдо ново, егоже нѣсмы слыхали преже сихъ лѣтъ, се же нынѣ третѣе лѣто поча быти: суть горы заидуче в луку моря, имъже высота акы до небеси, и в горахъ тыхъ кличъ великъ и говоръ, и сѣкутъ гору, хотяще просѣчися. И есть в горѣ той просѣчено оконце мало, и туда молвятъ. Не разумѣти языку ихъ, но кажутъ желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ железо — или ножъ, или *секыру* — и они дають скорою противу. Есть же путь до горъ *тѣхъ* непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ, тѣмъ не доходимъ ихъ всегда; есть же и подалъ на полунощьи”». Мнѣ же рекшу к Гурятѣ: «Се суть людѣ, заклѣпленѣ Олександромъ, макидонскомъ цесаремъ, якоже сказа о нихъ Мефедий Патарийскъ, глаголя: “Олександръ, царь макидонский възыде на вѣсточныя страны до моря, нарѣцаемое *Солнче* мѣсто, и видѣ челоуѣкы нечистыя от племени Афетова, ихъже нечистоту *видѣвъ*: ядыху скверну всяку, комары, мухы, коткы, змѣя, мертвеца не погребати, но ядыху, и женъскиѣ изъврагы и скоты вся нечистыя. То видѣвъ, Олександръ убоися, еда како умножаться и осквернять землю, *загна их* на полунощныя страны у горы высокыя. И Богу повелѣвшю, сосупишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы 12 локѣтю, и створиша врата мѣденая и помазаша сунѣклитомъ. И аще хотятъ взяти и не возмогутъ, ни огнемъ могутъ ижъжещи; вѣщъ бо сунѣклитова сица есть: ни огонь можетъ ижъжещи его, ни желѣзо его прииметь. У послѣдняя же дни по сихъ осми колень, иже изидуть от пустыня Етривьскыя, изидуть си скверныи языци, яже суть в горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божью”»¹¹.

Данный фрагмент читается в обеих редакциях «Повести временных лет»: и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской летописях (далее соответственно: Лавр. и Ип.). Достоверность его – в том, что касается, разумеется, самого рассказа

¹¹ Полное собрание русских летописей (Далее- ПСРЛ), т.1. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. М., 2001. Стб. 234-236.

Гюряты Роговича летописцу и других исторических реалий, а не сказочного его содержания – не подлежит сомнению. Относительно датировки этих событий в науке идёт дискуссия (в частности, по поводу того, что означает выражение «преже сихъ 4 лѣтъ», и к чему оно относится), но наиболее убедительной является следующая интерпретация. Рассказ, относящийся к более позднему времени, просто вставлен в летописную статью под 1096 г. Гюрята Рогович, с которым говорил летописец, скорее всего, в 1113 г., был новгородским посадником (некий Гюрята упомянут в списке новгородских посадников), и его «отрок» (служилый человек) ездил на Печору и в Югру за данью.

Новгородец Гюрята Рогович рассказал летописцу или Владимиру Мономаху (из летописи это не ясно) о походе своего дружинника – отрока – в Печору к людям, которые дань дают Новгороду. Оттуда отрок пошел «в землю Югорскую. Югра же – это люди с языком непонятным, и соседствуют они с самоедью в северных странах». Жители Югры рассказали ему (!) (замечу, язык Югры был всё-таки понятен новгородцу), что еще севернее, где высокие горы граничат с морем, живут заключенные еще Александром Македонским в горы люди¹².

Возникает закономерный вопрос: почему рассказ о Югре попал в текст, прямо связанный с Владимиром Мономахом?

Ответ на этот вопрос тесно связан как с серьезными военно-политическими проблемами русских земель конца XI – начала XII вв., так и с религиозно-философскими представлениями людей Древней Руси.

Обратимся к тексту, помещенному в «Повести временных лет» по Лавретьевской летописи, датированному там 1093-1096 г. Это время, когда русские земли подверглись многочисленным набегам со стороны половцев –

¹² Подробный анализ этого текста в связи с проблемой новгородско-югорских отношений см.: Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 4 (12). 2002. С. 91-101.

кочевых тюркоязычных народов, вторгшихся с начала XI в. из Заволжья в восточную Европу. В 1093 г. половецкое войско смогло нанести тяжелое поражение на р. Стугне объединенным дружинам киевского князя Святополка Изяславича, Владимира Всеволодовича Мономаха – тогда – черниговского князя и переяславского князя Ростислава Всеволодовича. Борьба с половецкой опасностью стала своего рода символом правления Владимира Мономаха. Набеги ханов Итларя, Китана разоряли русские земли, вынуждали князей объединяться против внешней опасности. Впрочем, одновременно и параллельно этому существовала тенденция заключать союзы с половецкими ханами, использовать поддержку половцев во внутрисюрийских распрях.

В 1096 г. Великий киевский князь Святополк и князь Владимир Мономах обратились к черниговскому князю Олегу с призывом: Се на ны Богъ пусти поганья, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симъ казнить ны нахоженъемъ поганыхъ, се бо есть бо батѣгъ Божий, да нѣколи смирившеся успомянемся от злаго пути. В чрезвычайно популярном в средние века сочинении, приписываемом епископу города Патар в Ликий (Малая Азия) Мефодию, жившему в III - IV вв. содержится предание о том, что библейский вождь Геден разгромил своих врагов и заточил в Египетскую пустыню. Но накануне конца света, в седьмом тысячелетии от сотворения мира эти народы выйдут из Египетской пустыни и поработят многочисленные страны, «Сего ради убо Бог предаст их в руце варваром, от них же впадут в грех».

На Руси это легендарное сочинение получило новые трактовки – героем, заточившим нечестивые народы в Египетскую пустыню, в дальние горы стал

¹³ Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988-1237 гг.) Изд. 2-е. СПб., 1996. С. 350; Кривов М.В. «Откровение» Псевдо-Мефодия Патарского как отражение народных взглядов на арабское нашествие // Византийский Временник. Т. 44 (69). С. 215-221.

¹⁴ Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 195

Александр Македонский¹⁵, а «нечестивый народ» превратился в половцев¹⁶.

Ищъли бо си суть от пустыня Етривьския, межи вѣстокомъ и сѣверомъ, ищъло же есть ихъ колѣнь 4: торкмене, и печенѣзи, торци, половыцѣ», а затем создает легендарную генеалогию этих народов от библейских персонажей¹⁷. «И по сихъ 8 колѣнь къ кончинѣ вѣка изидуть заклепани в горѣ Олександромъ Макидонскомъ нечистыя челоуѣкы».

Столь подробный разбор борьбы с половцами и эсхатологических ожиданий людей рубежа XI-XII вв. имеет непосредственное отношение к процитированному выше рассказу Гюряты Роговича.

А.А. Шахматов писал, что «Поучение» Владимира Мономаха «помещено между рассуждением летописца о происхождении половцев, вызвавшим припоминания из пророчества Мефодия Патарского, и изложением беседы летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем, заканчивающимся новыми припоминаниями из Мефодия Патарского», заметим – относительно подробными сведениями о Югре.

Сквозной темой, объединяющей эти сюжеты стало появление нового и опасного врага русских земель – половцев. С половцами воюет Владимир Мономах, призывающий всех русских князей сплотиться против «поганых». Предания, связанные с именем Мефодия Патарского, должны, во-первых, объяснить причину появления прежде неведомых половцев как неизбежного проявления «казней божиих» и, во-вторых, объяснить, откуда они появились, где находится та «пустыня Етривская» и великие горы, куда заточил нечестивые

¹⁵ Александрия Сербская. Древнерусский текст и современный перевод (Подготовка текста, перевод и комментарии Е.И. Ванеевой) // Библиотека литературы Древней Руси. Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 8: XIV – первая половина XVI века.

¹⁶ Истрин В.М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. Исследование и тексты. М., 1897. См. также: ПВЛ., т.1. Стб. 222-223.

¹⁷ ПВЛ., т. 1. Стб. 234.

народы Александр Македонский. Югре же отводится особая роль. Они *свидетели*, они видели эти народы, заточенные в горах и рассказали об этом новгородцам, подтвердив, таким образом, справедливость рассуждений Мефодия Патарского и его русских почитателей о народах, которые должны вырваться в наказание за грехи в «последние времена».

Третье упоминание Югры в Повести временных лет вновь связано с Новгородом. В статье, датируемой 1114 г., содержится рассказ о том, что в этом году была заложена каменная крепость в Ладоге. Летописец (или человек, информировавший летописца), сообщал, что, когда он пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что «здесь, когда бывает туча великая, находят дети наши глазки стеклянные, и маленькие и крупные, проверченые, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода». Когда я дивился этому, они сказали мне: «Это неудивительно; живы еще многие старые, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и, выросши, расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьецы маленькие и, выросши, расходятся по земле»¹⁸.

При всей сказочности данных о белках и оленятах, выпадающих из туч, следует обратить внимание, что информаторами выступают ладожане. Ладога находилась на торговых путях, связывавших Скандинавию, Новгород и Зауралье и была связана и с новгородцами и с викингами в освоении северо-востока и проникновении в Приобье¹⁹.

Высказывалось мнение (С.Ф. Платонов) о том, что рассказ о падении с неба оленей восходит к фольклору лопарей (саамов). По мнению А.Н. Насонова,

¹⁸ Древнерусский текст см: ПСРЛ. Т. II. Стб. 277-278

¹⁹ О скандинавском присутствии в Зауралье см.: Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси: Тексты, перевод, комментарий. - М.: Науч.-издат. центр «Ладомир», 1996; Федорова Н.В. Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: история взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 4 (12). 2002. С. 91-101

и этот рассказ, и предыдущий (о Гюряте Роговиче) свидетельствуют о том, что на тот момент на Югре новгородская дань ещё не распространялась (точнее говорить об общерусской дани, поскольку Новгородская земля в то время ещё не обладала независимостью от Киева). С этим можно согласиться, но с той оговоркой, что, во всяком случае, ещё не было регулярного обложения Югры, установление даннической зависимости этой территории от Руси и Новгорода только начиналось (в противном случае, трудно объяснить поездки туда «отрока» (служилого человека) новгородского посадника и «старых мужей» из Ладоги – «пригорода» (т.е. подчинённого города) Новгорода. В любом случае, оба известия демонстрируют, что в 10-е гг. XII в. между Русью и Югрой поддерживались достаточно регулярные контакты. Базой для проникновения русских на Югру была Новгородская земля и особенно – Ладога (ныне с. Старая Ладога Ленинградской обл.). Целью этого проникновения было получение «скоры», т.е. пушнины – важнейшего источника доходов средневекового Новгорода.

Подводя итоги, отметим:

- Древнейший летописный свод – Повесть временных лет – трижды сообщает о Югре – народе и стране. Югра в летописи – это народ, входящий в число потомков библейского Иафета, наряду с русскими, норманнами, англичанами и другими европейскими народами;

- Югра – это страна, граничащая с легендарной «Етривской пустыней», где на севере, в горах заточены Александром Македонским народы, которые, согласно апокалиптическим представлениям средневековья, могут появиться и покорить другие народы накануне «второго пришествия»;

- Югра – это земли, которые вызывают особый интерес у новгородцев, которые пытаются завязывать как торговые связи, так и собирать дань драгоценными мехами.

Все эти сведения относятся к началу XII в. и могут быть датированы 1118 г., годом завершения складывания Повести временных лет.